

Творчество Ф.М. Достоевского (1821 – 1881) – одно из вершинных достижений русской классической литературы – справедливо уподобляют космосу. Созданный писателем художественный мир столь грандиозен по масштабам мысли и чувства, глубине духовных проникновений, что представляет собой своего рода необъятную вселенную.

Феномен Достоевского заключается в том, что интерес к нему во всём мире не только не ослабевает, но со временем всё более возрастает. Ведущие университеты Западной Европы, США, Японии и других стран уже давно и достаточно глубоко изучают творчество великого русского классика не только на факультетах филологии, но и философии, психологии, юриспруденции, социологии, смежных дисциплин.

Но в своём Отечестве Достоевского-пророка вспоминают по преимуществу в годы «круглых» дат. С сожалением приходится констатировать, что Россия в этом отношении выступает в парадоксальной трагикомической ситуации «сапожника без сапог», оставляя труды своего выдающегося соотечественника, равно как и многие другие духовные ценности, на периферии общественного сознания. В то же время освоение открытий Достоевского может принести не умозрительные, а практически насущные результаты для создания прочного духовно-нравственного фундамента современного общества.

В своих трудах писатель остро поставил ряд кардинальных для человечества тем и проблем: какова природа добра и зла; как уживаются в душе человека стремление к саморазрушению и самовосстановлению – «идеал содомский» с «идеалом Мадонны»; в чём сущность и назначение жизни; как преобразовать мир на основах духовности, нравственности, уважения достоинства личности; как соединить в нераздельное целое справедливость, законность, правосудие. Ответы на эти и другие «вечные» вопросы, над которыми издревле бьётся человеческое сознание, выдающийся художник и мыслитель оставил в своих произведениях, которые сегодня воспринимаются как пророчество, провозвестие, как дар и задание непрестанного совершенствования.

Апеллируя к «Вечной Истине», Достоевский выражает твёрдое убеждение в том, что «люди могут

быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». В новом тысячелетии современное человечество живёт всё теми же грядущими упованиями. «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час—всё бы сразу устроилось! – утверждает писатель устами героя своего «фантастического рассказа» «Сон смешного человека» (1877). – Главное – люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдёшь, как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» Выраженный в предельно простой и всякому понятной форме христианский идеал, заповеданный в Евангелии, к которому обращается Достоевский – «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12: 31), – по высоте духовного задания оказывается до сих пор непосильным, недосыгаемым и непревзойдённым. Новый Завет вечно нов и всё так же принадлежит горизонту нездешнего бытия.

Исследуя духовную природу человека и состояние общества, писатель-пророк в своих открытиях предвосхищал будущее. «По глубине замысла, по широте задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком, – писал о Достоевском М.Е. Салтыков-Щедрин. – Он не только признаёт законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идёт далее, вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдалённых исканий человечества».

«Предвидения» и «предчувствия» писателя подтверждаются движением истории. В.Ф. Переверзев в статье к 100-летию классика «Достоевский и революция» (1921) проводил мысль об острой современности его творчества в тот «момент великого революционного сдвига, в момент катастрофического разрушения отжившего старого мира и постройки нового. <...> Достоевский – всё ещё современный писатель; современность ещё не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя. Говорить о Достоевском для нас всё ещё значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни <...> Читайте Достоевского, и вы многое поймёте». Пережив в очередной раз «катастрофическое разрушение» устоявшегося, мы и сегодня можем с полным основанием присоединиться к этой оценке.

Хаотическое состояние капиталистической России в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали меряться «каршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, охарактеризовано в романе «Бесы» (1872): «...точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул». Прочную опору в этом шатком мире писатель обрёл в православной вере с её идеалами жертвенной любви к Богу и ближнему, «потому что Православие – всё». Эту отточенную формулу заносит Достоевский в свои записные книжки, хранящие столь же заветные мысли: «Нации живут великим чувством и великою, всё освещающей снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля»; «В Европе – выгода, у нас – жертва...»; «Русский народ весь в Православии и идее его». Писатель усматривал в Православии не одну только догматику, но главное – живое чувство, живую силу. «Вникните в Православие, – призывал Достоевский, – это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил,

без которых не живут нации. В русском христианстве по-настоящему и мистицизмом нет вовсе, в нём есть одно человеколюбие, один Христов образ – по крайней мере это главное».

Формально-показная, официозная набожность, во многом принятая в настоящее время, ведёт к тому, что от Бога остаётся «мёртвый образ, которому поклоняются в церквях по праздникам, но которому нет места в жизни». Об этом размышлял писатель в своём последнем романе «Братья Карамазовы» (1881). Герой романа – чистый сердцем и помыслами Алёша Карамазов – старается следовать евангельско-му завету «раздай всё и иди за Мной». В отличие от фарисействующих псевдопосредователей Христа, пытающихся с выгодой приспособлять «под себя» Божьи заветы, Алёша стремится к абсолютному идеалу высшей Истины: «Не могу я отдать вместо “всего” два рубля, а вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне».

Идейно-художественная система Достоевского в целом сформировалась на почве его глубоко религиозного мировоззрения. Основы христианского мировидения и нравственного развития личности изначально закладывались в традициях семейного воспитания. Русская семья имела утраченный ныне статус «малой церкви», где дом – храм; очаг – алтарь; семейный уклад – благочестие; идеал – любовь к Богу и ближнему; дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами. Достоевский вспоминал: «...я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем знали Евангелие, чуть ли не с первого года». Самые ранние детские переживания религиозного характера писатель хранил всю жизнь. Он запомнил, как около трёх лет отроду он прочёл при гостях молитву: «Всё упование, Господи, на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом своим», – чем привёл всех в состояние радостного умиления; как в церкви мать причащала его, двухлетнего, и как «голубок пролетел из одного окна в другое». Возможно, эти первые сокровенные впечатления, вызванные Светом и Словом (то и другое – имена Бога в Новом Завете), способствовали пробуждению в ребёнке «нового, уже сознающего себя и мир человека».

Детская непосредственная религиозность, примиряющая веру с рассудком, впоследствии укрепилась осознанным убеждением. «Записная книжка» писателя содержит глубоко выстраданное признание: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

В своей собственной семье Достоевский был нежным и заботливым отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской природы. Он делал всё, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, всё, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». «Главная педагогика – родительский дом», – уверен писатель. Основой его воспитательной доктрины явилась религиозно-философская идея о человеке как «венце творения», об уникальности и неповторимой ценности каждой человеческой личности. О своём первенце – дочери Соне – Достоевский писал А.Н. Майкову в мае 1868 года: «Это маленькое трёхмесячное <создание>, такое бедное, такое крошечное – для меня было уже и лицо, и характер». В очерке «Фантастическая речь председателя суда» (1877) читаем: «...у ребёнка, даже у самого малого, есть тоже и уже сформировавшееся человеческое достоинство». Этот тезис получил глубокую психологическую и социально-нравственную разработку в трудах Достоевского задолго до принятия Всеобщей декларации прав человека (1948), где в первой же статье утверждается право каждого на достоинство от рождения: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Указанный декларативный призыв к мировому сообществу до сих пор остаётся нереализованным благим пожеланием. Во многом потому, что во главу угла человеческих взаимосвязей ставятся товарно-денежные отношения, расчёт,

эгоистический интерес, что в свою очередь влечёт подмену Бога ложными кумирами и бездушными идолами. Служение «золотому тельцу» неизбежно ведёт к звериным установам типа «глотай других, пока тебя не проглотили», в итоге – к духовно-нравственному одичанию и вырождению.

Современное прочтение романа «Братья Карамазовы» – художественного и духовного завещания писателя – показывает, что его тревожные предчувствия сбываются с поразительной точностью. Вот одно из текстуальных подтверждений: «не исказился ли в нём <мире. – А.Н.-С.> лик Божий и правда Его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: “Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай” <...> И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности ещё не указали. <...> куда пойдёт сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумывал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

Ни наука, ни социальные реформы не способны вывести человека и общество из разъедающего состояния всеобщей уединённости. На бессилие рациональных, прагматических подходов, их духовно-нравственную несостоятельность указывал писатель: «Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделить в собственности своей и в правах своих. Всё будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга». Достоевский предупреждал о том, что поглощённость материальными интересами, рост индивидуализма и катастрофический распад личности при утрате высших идеалов и веры в Бога приведут человечество к антропофагии (людоедству).

Духовное начало, «искра Божья» – первостепенное, что выделяет человека среди других существ. В то же время «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека». Писатель справедливо полагал, что для становления личности одного разума, образованности недостаточно, поскольку «образованный человек – не всегда человек честный и что наука ещё не гарантирует в человеке доблести». Более того – «образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит».

Родителям, наставникам, учителям – всем тем, кому доверено воспитание юных душ, – необходимо постоянно заботиться о самовоспитании и самодисциплине: «... ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих». «Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже, – говорил писатель. – И если мы учим их чему-нибудь, чтобы сделать их лучше, то и они нас делают лучше нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают душу нашу». Отцам семейства, которые «лишь откупились от долга и от обязанности родительской деньгами, а думали, что уже всё совершили», Достоевский напоминает, что «маленькие детские души требуют непрерывного и неустанного соприкосновения с вашими родительскими душами, требуют, чтоб вы были для них, так сказать, всегда духовно на горе, как предмет любви, великого нелицемерного уважения и прекрасного подражания». В «Братьях Карамазовых» выражена заветная мысль об особенной, «ещё в ангельском чине», природе ребёнка: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой». Всё это обращает к евангельской заповеди «Будьте как дети». Христос говорит ученикам: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18: 3).

Писатель следил за религиозно-нравственным формированием своих детей и указывал на громадное универсально-воспитательное воздействие Священного Писания: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества». На пороге инобытия он читал детям новозаветную притчу о блудном сыне. И умер с Евангелием в руках. Новый Завет, провозглашая писателя в вечность, открылся на словах Христа: «не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

Современники Достоевского сохранили воспоминания о его отношении не только к собственным, но и к чужим детям. Их судьбы постоянно тревожили сознание и душу: «Дети – странный народ. Они снятся и мерещатся». Христианское воспитательное credo Достоевского получило многообразное воплощение в письмах, дневниках, заметках, публицистике; наиболее глубокую разработку – в художественном творчестве, во всех без исключения произведениях. Можно утверждать, что творчество писателя в целом – своего рода «религиозно-педагогическая поэма».

Так, «Подросток» (1875) – в полной мере «роман воспитания». Главный герой – вступающий в жизнь юноша Аркадий Долгорукий – поработён ложной идеей «стать Ротшильдом». Он считает, что «деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество». В черновиках к «Подростку» охарактеризована ситуация, на почве которой вырастают идеи преступной наживы: «Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и стёрлись определения и границы добра и зла. <...> Нынче честно не проживешь». В то же время, по убеждению писателя, «основные нравственные сокровища духа, в основной сущности по крайней мере, не зависят от экономической силы». Подросток постепенно освобождается от маниакальной цели обогащения, достигаемого любыми способами. В стремлении к праведной жизни происходит «восстановление падшего человека».

В «Подростке» и «Дневнике писателя» Достоевский исследовал также проблему «разложения семейного начала» и пришёл к выводу, что «случайность современного русского семейства <...> состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. <...> самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи – есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, – но порядка».

С утратой общей идеи и идеалов также изнутри подрывается лад современной семьи. Понятия: супружество, семья, отцовство, материнство, детство – духовно опустошаются, становятся лишь правовыми категориями и терминами Семейного и Гражданского кодексов. Отношения в семье зачастую строятся не на незыблемом «камне» духовно-нравственного фундамента, а на «песке» формальной юридической связи сторон брачного контракта, гражданско-правового договора, наследственного права и т.п. Если нет глубинной духовной опоры, скрепляющей семейный очаг, то семья неизбежно становится ненадёжной, зыбкой, «случайным семейством» – по определению Достоевского.

«Больные» вопросы: «как и чем и кто виноват?»; как прекратить детские страдания; как «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё» – с особенной силой поставлены в «великом пятикнижии» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Среди основных идей последнего романа – сокровенная мысль: достижение мировой гармонии «не стоит <...> слезинки хотя бы одного только <...> замученного ребёнка».

По воспоминаниям известного русского юриста, литератора и общественного деятеля А.Ф. Кони, Достоевский «безгранично любил детей и старался своим словом и нередко делом ограждать их и от насилия, и от дурного примера. <...> Но с детьми для юриста связан, помимо святой задачи их защиты от насилия и нравственной

порчи, ещё один из важнейших и труднейших вопросов <...> – о применении к ним уголовной кары». Знаменитый адвокат настоятельно советовал коллегам-юристам сверяться в своих решениях с Достоевским: «...всякий, кто захочет вдумчиво подвергать детей карательному исправлению, не раз должен будет искать совета, разъяснения, поучения на страницах, написанных их <...> другом и заступником».

Посещая колонию малолетних преступников, Достоевский приходит к выводу о том, что именно «зверски равнодушное» отношение государства и общества к молодому поколению вытравляет в юных душах «всякие следы человечности и гражданственности». Писатель нашёл «недостаточными» имеющиеся в арсенале юридической системы «средства к переделке порочных душ в непорочные».

«Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести», – размышлял Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Свои чаяния он выразил устами «русского инока» старца Зосимы: «...если бы всё общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю. Да и церковь, сомнения нет, понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возратить отлучённого, предупредить замышляющего и возродить падшего».

Утрата веры в Бога и бессмертие, заглушающая голос совести, ведёт к преступной теории «всё позволено», к власти «элиты» над «муравейником», «слабосильными бунтовщиками», которые под конец «станут послушными». «Покорное стадо» не в силах вынести свободы, а значит – и нравственной ответственности, данной Христом, и принесёт эту свободу к ногам «избранных». В легенде Ивана Карамазова о «великом инквизиторе» этот наследник Римской империи строит свою власть на «чуде, тайне, авторитете» – на всём том, что отверг Христос, преодолевая дьявольские искушения. Инквизитор по-прежнему манит людей идеалом Христа: «...мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твоё. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе». В действительности власть отреклась от Бога и служит силе, противоположно направленной: «Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна!<...> мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными».

Именно антихристианское римское право лежит в основе современного российского законодательства. Сегодня вдумчивые учёные констатируют неразработанность в праве аксиологических и антропологических подходов. По справедливому суждению современных правоведов, «в правовой науке мы привыкли заниматься непосредственными “замерами” правовых явлений: преступности, деликатности, знания права населением и т.д. <...> Наше право всё более вырождается в наукообразное законодательство <...> Отечественное право должно измениться. Юриспруденция, построенная на римских <кабальных> формулах, должна обрести новую творческую форму в русском правовом психологизме, выразителем которого был Ф.М. Достоевский». Вопросы, поднятые в творчестве классика, – «об абсолютном праве, об отношении права к вечным ценностям – к вере, Истине, справедливости» – не могут и не должны оставаться на задворках общественно-правового сознания.

Современная Европа, считает Достоевский, пошла по пути «великого инквизитора»: «...во многих случаях там церковью уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церковей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство». Церкви в

государстве отводится «как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, – и это повсеместно в наше время в современных европейских землях». В том же направлении развиваются нынешние российские государственные отношения.

Путь православной России, по Достоевскому, должен быть иным: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более».

В дискуссии о церкви и государстве старец Зосима, несмотря на скепсис оппонентов («это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далёкого, во втором пришествии. <...> Прекрасная утопическая мечта об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.»), выражает несомненную веру в преобразование жизни: «Правда, <...> теперь общество христианское пока ещё само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает всё же неизбежно, в ожидании своего полного преобразования из общества как союза почти ещё языческого во единую вселенскую и владывающую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времён и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. И что по расчёту человеческому может быть ещё и весьма отдалённо, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоитнака-нуне своего появления, при дверях».

Одна из важнейших в системе идей Достоевского – мысль о личной нравственной ответственности каждого за состояние собственной души и за судьбы целого мира: «...всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов <...> И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них Царствие Небесное уже не в мечте, а в самом деле». С точки зрения писателя, заниматься социально-политическими преобразованиями прежде христианского преобразования души человеческой – всё равно, что ставить телегу впереди лошади: «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства».

На упреки в утопизме писатель отвечал, что он лишь «реалист в высшем смысле». Всё сбывается по Достоевскому. Жизнь подтверждает глубокую правоту его заветных идей. Писатель оставил неординарные и не лёгкие для исполнения заветы: не дать «низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию святой и великой»; «войти в борьбу» с «ужасными впечатлениями», «мрачными картинами», «искоренить их и насадить новые» – «чистые, святые и прекрасные». За прошедшее время значимость этих задач несколько не уменьшилась.

Опыт писателя по религиозно-философскому, социально-психологическому, этико-эстетическому осмыслению проблем бытия – “Жажда правды и права”, как формулировал Достоевский, – по-прежнему требует серьёзного освоения и может сыграть неопределимую роль в духовно-нравственном развитии наших соотечественников, если они прекратят уподобляться библейским иудеям, гнавшим «пророков в своём Отечестве».

